

Перевал Calmwind Pass был единственным входом в Beastmaster, состоящий из двух возвышающихся пиков, полных коварных подъемов.

Только одна дощатая дорога, построенная на эстакадах, обвилась вокруг хребта, как дракон.

На вершине находился монастырь с желто-земляными стенами и зеленой черепицей на крыше. Внутри все еще горела лампада. Вокруг росли деревья духов. Вокруг бродили звери - образ рая.

"Как это может быть?!" в ужасе закричала Чи Яо, закрыв рот руками, когда увидела монастырь изнутри.

Остальные три девушки не могли поверить своим глазам. Их лица потемнели.

Выражение лица Ву Цинхуа стало еще более уродливым. Она смотрела на монахиню, сидящую на молитвенном коврике, и не могла успокоиться: "Младшая тетя... умерла..."

Монахиня, сидевшая прямо в монастыре, больше не была жива.

Фэйюнь схватила ее за запястье и сказала: "На улице холодно, но ее кровь еще теплая, прошло совсем немного времени, и она покончила с собой во искупление грехов".

У Цинхуа и четыре девушки стали недовольны. Чи Яо холодно сказала: "Прародительница Лю - человек добродетели и престижа, она слишком милосердна и не убила бы даже муравья. Теперь ее убил злодей, и если вы будете продолжать клеветать на нее, я не буду к вам так легко относиться".

Линьэр добавила: "Фэн Фэйюнь, ее душевная стойкость не имеет себе равных в современности, она не может покончить жизнь самоубийством".

Фэйюнь фыркнул и поднял рукав монахини, обнажив землю под ним. Там был кровавый иероглиф "грешница". Ее палец был отточен до кости - очевидно, от того, что она много раз писала этот иероглиф.

Девочки ничего не ответили, и на сердце у них стало тяжелее, как будто что-то сломалось в их разуме - их уверенность.

"Я уверена, что, узнав о пропаже писания, она решила покончить жизнь самоубийством". Фэйюнь без эмоций сказала.

"Амитабха."

"Амитабха."

Девушки закрыли глаза и запели. Кто знает, было ли это желание переступить через душу предка или скрыть страх в своих глазах.

Цинхуа все еще не мог принять это, потому что репутация секты была бы уничтожена в одночасье. Кроме того, это стало бы большим ударом для учениц, что негативно сказалось бы на их культивировании.

"Может быть... мы упускаем что-то еще..." сказала она.

"Тогда вы можете проверить, является ли ваш предок все еще девственником. Я буду ждать снаружи".

Он вышел из подъезда и встал во дворе, чтобы посмотреть на красные облака за горами. В его глазах появился красный туман, он почувствовал присутствие сильного врага.

Это было странное чувство для этих высших гениев. Они чувствовали друг друга, хотя находились так далеко.

Фэйюнь закрыл глаза и продолжил чувствовать. Он видел монаха в белом, сидящего во дворе и напоминающего священное дерево Бодхи с ослепительным сиянием, медленно выходящим из земли.

Он слышал буддийские гимны, самые мирные из них, словно великий монах напевал.

Внезапно звуки превратились в ужасающее копье и направились прямо к его горлу.

"Бум!" Он сформировал два кулака и поднял железную цепь для блокировки перед собой.

Мощная сила ударила в его руки, отчего полетели искры.

Фэйюнь внезапно открыл глаза и отпрыгнул назад. Он посмотрел в сторону копья и увидел один след.

Он лежал здесь уже некоторое время, его почти смыло дождем, но законы дао остались.

Он внимательно наблюдал за ним и пробормотал: "Всего один след уже содержит столько силы с достаточным количеством небесного дао, чтобы активировать земной импульс, в гармонии с венами здесь. Это впечатляет".

"Но почему только один след? У него что, только одна нога?" Фэйюнь нахмурился.

К нему подбежал носорог с массивным телом и внушающей благоговение аурой. Звери

поблизости скорчились на земле, не решаясь пошевелиться.

"Брат, что случилось? Я почувствовал движение в мирских законах". спросило оно.

Духовные звери очень хорошо понимали природу и законы мира, а у носорога к тому же была хорошая родословная.

Фэйюнь запомнил отпечаток до мельчайших подробностей и, хлопнув по земле, создал зловещую руну. Он улыбнулся: "Ты пропустил это. Верховный старейшина лагеря покончил жизнь самоубийством, чтобы искупить вину. Мир был бы потрясен, узнав об этом".

Глаза носорога были широко открыты, а его огромная пасть обнажила два ряда зубов - он был явно напуган откровением Фэйюня.

Бу Цинхуа вышла, не в лучшем настроении. Странно, но она не была в ярости, по крайней мере, не выразительной.

Четырем девушкам нечего было сказать. Даже Линьэр, которая и раньше была на улице, потеряла дар речи.

Фэйюнь сразу же узнала результат экзамена и была поражена тем, что они остались относительно спокойны - действительно, лучшие семена этого поколения.

Через некоторое время Цинхуа произнес: "Никто не должен говорить об этом деле. Немедленно кремируйте младшую тетю Лю прямо сейчас и вернитесь, чтобы сказать начальнику лагеря, что она умерла от отклонения ци, что привело к разрыву вен".

Четыре девушки молча кивнули и сожгли труп своей прародительницы вместе с монастырем. От огня ничего не осталось.

Они стиснули зубы и почувствовали сильный дискомфорт, словно на сердце давил камень. Их буддийское сердце, натренированное за столько лет, начало колебаться.

"Фэн Фэйюнь, ты должен знать, кто это сделал, скажи мне сейчас, и я пойду и заберу его собачью жизнь!" У Чи Яо было холодное выражение лица. Меч, парящий над ней, зазвенел и запульсировал изображениями белых бабочек. Эта энергия меча сокрушила растительность поблизости в пыль.

Фэйюнь стоял на месте, его злая аура источала злобу, как у дьявола: "Наивная девочка, даже твой предок был оседлан им, не говоря уже о вас четверых".

"Фэн Фэйюнь, тебе лучше следить за своим языком, не оскорбляй нашего предка!"
Великолепный Хуацзи Нинсян нахмурился: "Поднимешь эту тему еще раз, и я разделаюсь с тобой любой ценой!"

"Тебе всего двадцать, а ты уже смеешь называть нас девушками? Я хочу посмотреть, на что ты способна". Чи Яо не унималась и достала свой духовный меч с лунным импульсом на лезвии.

Они были гордыми и ненавидели Фэйюня, считая его дьяволом. Если бы не приказ начальника лагеря, они бы уже объединились, чтобы убить его.

Он улыбнулся в ответ: "Бу Цинхуа, ты должен просто отвести этих удивительных гениев обратно в лагерь, их присутствие только отвлекает меня".

Цинхуа взглянул на четверых и велел им отступить: "Со смертью младшей тети все подсказки исчезли. Куда мы пойдем дальше?"

"Если бы не твой хозяин лагеря, спасший меня с помощью мантры Спокойного Сердца, я бы не стал ввязываться в ваши разборки". Фэйюнь прямо пошел по тропинке с пятью девушками и Носорогом за ним.

Фэйюнь действительно был слишком высокомерен и не проявлял никакого уважения к Верховному Буддисту. Четыре девушки все больше раздражались против него.

Он вдруг остановился и спросил: "Сколько еще буддийских сект находится в радиусе трех тысяч миль от лагеря?".

Зверинец располагался в центре великого горного хребта, но он был не единственным. В этом месте было достаточно ресурсов, а поблизости находилось около тысячи сект со своими территориями.

Цинхуа сказал: "Всего восемнадцать святынь и шесть монастырей. Самыми сильными являются Храм Жизни в четырнадцати тысячах миль к северу от нас и Храм Древнего Пути в шести тысячах миль к западу. У них более десяти тысяч буддистов; остальные не такого масштаба".

"Так много буддистов собралось здесь. Похоже, это из-за святой репутации Зверобоя". пробормотал Фэйюнь: "Сейчас у нас нет никаких догадок, так что давайте сначала испытаем удачу в Храме Древней Тропы".

Он вскочил на Носорога и приказал ему лететь на запад.

Человек, который жаждал буддийского писания, захотел бы перевернуть страницу и сразу же приступить к изучению.

Фэйюнь верил своей интуиции, думая, что, взяв писание, человек первым делом займется его изучением. Таким образом, он выберет место поблизости, чтобы остановиться.